

Глава 29

Шуй Цюэ вернулся.

Стоило ему снять шарф, как Сун Цинь все понял.

Жемчужинка в центре верхней губы, прежде почти незаметная, после недавних поцелуев вызывающе припухла.

Она притягивала взгляд, и игнорировать ее было невозможно.

Сам Шуй Цюэ, казалось, ничего не замечал. Он лишь чувствовал, что губы постоянно сохнут, и то и дело высовывал кончик языка, чтобы облизать их.

Влажный блеск ложился на алую, припухшую плоть.

Что они делали?

Что они предложили ему, чтобы он, встав на цыпочки и запрокинув голову, послушно подставил им свои губы для поцелуев?

Раньше Сун Цинь мог бы предположить, что дело в деньгах, но чёрная золотая карта, которую он отдал вчера вечером, начисто исключала этот вариант.

Взгляд Сун Циня стал глубже и тяжелее. С того момента, как Шуй Цюэ вошел в дом, он не сводил с него глаз.

Не из-за денег.

Тогда из-за чего?

Сун Цинь не находил в троих его ухажерах никаких выдающихся качеств, которые могли бы так привлекать.

Или же...

Шуй Цюэ просто нравится целоваться?

Эта мысль, словно ключ к разгадке, внезапно озарила Сун Циня. Разница в возрасте, которую он старательно игнорировал, вдруг стала очевидной.

Шуй Цюэ был всего лишь подростком, едва достигшим совершеннолетия.

Сун Цинь вспомнил себя в старшей школе: его ровесники-альфы были невероятно беспокойными. Пьянки, гонки, драки — все низменные черты, присущие заносчивым и жестоким альфам, в этом возрасте проявлялись особенно ярко.

Тогда еще не было таких распространенных, как сейчас, препаратов для подавления инстинктов альф.

Они выплескивали избыток энергии в хаосе и разврате.

Сун Цинь никогда не принимал в этом участия. Он помнил, как плавал в бассейне с ночи до рассвета, и все равно его энергия казалась неиссякаемой.

Но те способы выплеснуть ее...

Пьянство, гонки, драки?

Для хрупкого альфы участие в подобном было слишком опасно.

Шуй Цюэ больше подходило не выплескивать энергию самому, а просто наблюдать. Один его взгляд мог стать допингом для других альф. А после того, как в безумной схватке определился бы победитель, его бы окружили, усадили на капот гоночной машины и силой заставили целоваться.

Его одноклассники-альфы вполне были способны на такое.

Возможно, они были бы еще хуже. Наблюдали бы, как победитель целует его, и смотрели на покрасневшие уголки его глаз, на тонкую, дрожащую талию.

А потом отпускали бы пошлые шутки, спрашивая, почему он такой бледный и не притворяется ли он на самом деле омегой.

Большинство альф всегда были такими — отвратительно самонадеянными.

Но если сравнивать...

Если выбирать между опасными способами выплеснуть подростковую агрессию и поцелуями...

Сун Цинь готов был смириться с поцелуями.

Подростковое возбуждение неотделимо от желания.

По крайней мере, поцелуи не опасны. От них не будет травм.

Он не вернется домой в синяках после драки.

От этой мысли ему стало немного легче.

Но тут же возникла другая: почему...

Почему он не может прийти к нему?

Ведь именно он помогал ему с лечением синдрома расстройства феромонов.

Рука Сун Циня, лежавшая на набалдашнике трости, бессознательно сжалась. Холодный нефрит впился в ладонь.

Шуй Цюэ снял куртку и повесил ее на вешалку.

Дверь осталась открытой. Несмотря на отопление, в прихожую врвался ледяной ветер.

На нем был свободный свитер с высоким воротом. Ветер надувал его, и было видно, что одежда совсем не греет.

Сун Цинь хотел было сказать ему, чтобы он прошел в дом и не стоял на пороге.

— Братик...

Шуй Цюэ отступил на шаг, бросил взгляд на улицу и снова посмотрел в глаза Сун Циню.

Он спрятал руки за спину, всем своим видом выдавая вину.

У Сун Циня возникло дурное предчувствие.

— Соседская собачка может погостить у нас? — нерешительно спросил Шуй Цюэ. — Она, возможно, задержится надолго...

«Соседская собачка подарила».

Сун Цинь вдруг вспомнил эти слова.

Он думал, что «собачка» — это шутка.

А сосед — это, без сомнения, Се Сянсюнь.

— Надолго? — спросил он, и его голос стал ниже.

— Не знаю... — пробормотал Шуй Цюэ.

После поцелуя в супермаркете он все больше убеждался, что что-то не так.

Этот парень просто хотел его поцеловать!

А еще говорил, что поможет спрятаться от бывшего!

Шуй Цюэ поначалу очень злился.

Се Сянсюнь сказал, что скоро возглавит здешний филиал компании, будет очень занят и хочет оставить Йорка у него.

Шуй Цюэ поставил условие: собака останется, пока он сам не решит ее вернуть.

Он думал, это ненадолго, ведь прогресс сюжета достиг 85%.

Но Се Сянсюнь, казалось, решил, что это надолго. Его лицо светилось от радости.

Он воспользовался случаем и сказал, что будет навещать Йорка.

— Надолго? — нахмурился Сун Цинь. — С его хозяином что-то случилось?

Лучше бы так.

Се Сянсюнь, не выдержав, вошел в дом.

— Ты все так же язвительен.

Он нес большие пакеты. За ним вошла черно-коричневая немецкая овчарка, которая сама держала в зубах поводок и села у ног Шуй Цюэ.

Шуй Цюэ присел, обнял собаку и, подняв на него глаза, спросил:

— Братик, можно? Если тебе не нравится, он будет сидеть в моей комнате и никуда не выходить, кроме как на утреннюю прогулку.

— ...

Сун Цинь не мог отказать.

Он заметил, что уголки глаз Шуй Цюэ были слегка опущены, и от этого его лицо выглядело особенно трогательным.

Он смог только кивнуть.

Шуй Цюэ взял Йорка на поводок и закрыл дверь.

Теперь и Се Сянсюнь был внутри.

Сун Цинь нахмурился еще сильнее.

Он разрешил остаться собаке.

Но не говорил, что и он может остаться.

Се Сянсюнь, однако, как ни в чем не бывало прошел внутрь и спросил Шуй Цюэ:

— Куда положить еду для Йорка?

— В холодильник в моей комнате! — тут же ответил Шуй Цюэ.

Он видел, что Сун Циню не нравится Йорк. Его лицо было напряженным, и Шуй Цюэ подумал, что, возможно, брат боится собак.

Тогда он постарается не доставлять ему неудобств.

— А где твоя комната? — с интересом спросил Се Сянсюнь, вскинув бровь. — Проводишь?

Сун Цинь с ледяным лицом преградил ему путь. Голос его был холодным, как лед.

— Положи в холодильник на кухне.

Легкая улыбка на губах Се Сянсюня исчезла.

— Сколько лет прошло, а твои замашки не изменились, — холодно бросил он. — Он не твоя собственность.

— Я так не считаю, — отчеканил Сун Цинь, и в голосе его прозвенел лед.

Шуй Цюэ, застряв между ними, не знал, что делать. Он не понимал их скрытых намеков.

— Может, положим в холодильник на кухне? — тихо предложил он, пытаясь сменить тему. — Он больше.

Сун и Се разошлись в разные стороны, так и не помирившись.

Шуй Цюэ никогда не видел Се Сянсюня таким агрессивным.

— Тебе бы к психологу сходить, — с ядовитой насмешкой сказал тот Сун Циню. — Может, станешь нормальным, адекватным человеком?

Раньше семьи Се и Сун были в хороших отношениях.

Еще в детстве Се Сянсюнь заметил, что Сун Цинь странный и не ладит со сверстниками.

Восьмилетие Сун Циня праздновали в старом особняке семьи Сун. Их семью пригласили, и они, конечно, пошли — для поддержания отношений.

В комнате Сун Циня была фарфоровая кукла, искусно сделанная.

Се Сянсюнь всего лишь дотронулся до нее, даже не сдвинув с места, а Сун Цинь, как сумасшедший, набросился на него с кулаками.

Им было всего по семь-восемь лет. Разве дети в этом возрасте дерутся не в шутку?

Но Сун Цинь дрался насмерть.

Се Сянсюнь в детстве был признанным заводилой, но даже он такого не видел.

Два ребенка сцепились в яростной схватке.

Праздник был безнадежно испорчен.

С тех пор Се Сянсюнь понял, что они совершенно несовместимы. Да и весь подростковый период Сун Цинь был до жути педантичным и жестоким.

В общем, ненормальным.

Его жажда обладания и контроля была пугающе сильной. Се Сянсюнь не был уверен, связано ли это с воспитанием в семье Сун.

Поэтому Се Сянсюнь считал, что нынешнее спокойствие Сун Циня — это маска.

Либо он лечился у психолога.

Но, судя по тому, как он вмешивался в круг общения Шуй Цюэ и даже нервничал из-за того, что тот просто покажет свою комнату...

Сун Цинь хорошо притворялся.

Он сделал вывод.

Он не лечился, а просто безупречно играл свою роль перед Шуй Цюэ.

Иначе как объяснить, что в глазах Шуй Цюэ у Сун Циня такая хорошая репутация?

Сырое мясо, сублимированные лакомства — все было разложено по категориям.

Когда Се Сянсюнь выходил, Йорк играл во дворе со снегом.

Увидев, что он и Шуй Цюэ вышли, овчарка подняла голову и, поджарая и величественная, подбежала к ним.

Се Сянсюнь, решив, что пес не хочет его отпускать, присел, чтобы погладить его по голове.

Но овчарка, промчавшись мимо него, подбежала к стоявшему в двух шагах Шуй Цюэ и начала

вилять хвостом, выпрашивая ласку.

Се Сянсюнь: «?»»

Кажется, это я его пять лет растил?

Не уверен, надо проверить.

— Йорк? Я ухожу. Ты теперь будешь жить с Шуй-Шуем? — спросил Се Сянсюнь.

Йорк никак не отреагировал, продолжая тереться о штанину Шуй Цюэ.

В его поведении сквозила такая неприкрытая преданность, словно он говорил: «Спасибо, незнакомец, что растил меня пять лет, а теперь я ухожу со своим настоящим хозяином».

Се Сянсюнь: «...»

— Ну, я пошел, — сказал он Шуй Цюэ. — Не провожай, на улице ветрено.

— Я и не собирался тебя провожать, — честно ответил Шуй Цюэ. — Я вышел позвать Йорка в дом.

Се Сянсюнь: «...»

Снежинки падали ему на лицо. Он чувствовал себя жалким мужем, которого выгнали из дома без гроша в кармане.

Никому не нужным.

Но ведь Шуй Цюэ, увидев Йорка, так и не ушел обратно в дом.

Если это не любовь, то что?

Эх, как же хочется его поцеловать.

— Возвращайся, — сказал Се Сянсюнь. — Я буду навещать Йорка.

Он говорил, что будет навещать Йорка, но его глаза не отрывались от Шуй Цюэ.

Ночью снег не шел. Яркая луна висела в небе. Шуй Цюэ не задернул шторы, и прохладный лунный свет тускло освещал спящего на кровати.

Он спал на удивление спокойно, всегда ложился ровно, но под утро неизменно сворачивался калачиком на боку, зажимая одеяло между ног. Его спина изгибалась, как натянутый лук.

Словно ему не хватало чувства защищенности. На огромной кровати он занимал лишь крохотный уголок.

Когда в комнате становилось слишком жарко, он во сне высовывал ногу из-под одеяла, но потом снова зажимал его, ни за что не позволяя сползти с живота.

Возможно, из-за хрупкого телосложения его ступни были на несколько размеров меньше, чем у обычного альфы. Свод стопы был белым, а подошва — розовой. На мизинце левой ноги виднелась маленькая черная родинка.

Эта родинка, похожая на далекую звезду, исчезала в лунном свете, когда он под утро переворачивался на другой бок.

Высокая тень часто появлялась в комнате посреди ночи. Она накрывала его бледное, покрасневшее во сне лицо.

Шуй Цюэ спал очень крепко, и его было трудно разбудить.

Иногда Сун Цинь думал: может, он спит так сладко, потому что сворачивается калачиком?

Иногда во сне уголки его губ приподнимались, и на щеке появлялась милая ямочка.

Снится ли он ему?

Сун Цинь постоянно видел его во сне.

И еще ему снилась белая фарфоровая кукла.

Он уже не помнил, как она выглядела в детстве. Сон был нечетким.

Присмотревшись, он понял, что фарфоровая кукла — это уменьшенная копия Шуй Цюэ.

В конце сна кукла-Шуй Цюэ рассыпалась на мелкие кусочки. Сун Цинь с тревогой подумал, что это дурной знак.

Пробудившись среди ночи, что стало уже привычкой, он долго стоял у его кровати, неотрывно глядя на спящего, пока тот снова не перевернулся.

Ночь прошла без сновидений.

Проснувшись, Шуй Цюэ первым делом инстинктивно коснулся губ. Ему было как-то не по себе.

От прикосновения пальцев он втянул воздух. Подойдя к зеркалу в ванной, он наклонился ближе, оперевшись на раковину.

Жемчужинка, которая должна была вернуться в свое обычное, почти незаметное состояние, показалась ему еще более припухшей, чем вчера.

Губы сохли. Он не удержался и облизал их.

Влажные, алые, они выглядели до жалости опухшими. Даже легкое прикосновение языка вызывало легкое покалывание.

— Неужели зимой тоже бывают комары?.. — прошептал он сам себе.

[Доброе утро, носитель!] — бодро поприветствовал его Семьдесят седьмой. Только когда никого не было рядом, он принимал форму парящего шара и, пользуясь моментом, терся о своего носителя.

Маленький шарик прижался к его шее.

На квадратном экране появилось радостное выражение.

[Поздравляю, носитель! Прогресс сюжета достиг 90%! В интернете уже появилась тема с разоблачением твоих походов!]

Шуй Цюэ хотел посмотреть, что там за тема, но, не успев обрадоваться, обнаружил, что во всей вилле нет сигнала.

Более того, ворота, ведущие со двора на улицу, были заперты.